

Иргашев Ш.

24/11/87

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ШУХРАТ ИРГАШЕВ: «НАДЕЖДЫ МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛИК»

Дважды он был Бабой Ягой. Раз — Бабой Зимой. Итого три серьезные женские роли. Одна из старух запомнилась надолго. Играть новогоднюю сказку. По замыслу режиссера, он должен был выйти на сцену с зажженными бенгальскими огнями. Осветить, так сказать, себе путь. Искра попала на ватный халат, он загорелся. А поскольку выйти из-за ширмы он не мог (еще не наступил нужный момент), то единственное, что оставалось, — бороться с огнем в одиночку. Кое-как справившись, он выбежал на сцену (уже, правда, без бенгальских огней). Актер, игравший Деда Мороза и почувшавший неладное, спрашивает: «Ты что ж, старая, горишь что ли?» «Горю, милоч, — отвечает. — Разрешите мне водой ключевой облиться». И не дожидаясь ответа, бегом через сцену в кулисы. Дети в зале долго смеялись.

Впрочем, этот и множество других курьезных случаев, ставших закономерными в его жизни, не помешали карьере. В 26 лет он стал заслуженным артистом Узбекской ССР. А потом, после главных ролей в фильмах, узнавания на улицах, успеха, наступил сложный период затишья. Его нужно было пережить и продолжать работать, а главное, не отчаиваться. И он пережил, и вновь пошли приглашения сниматься. Шухрат Иргашев, актер киностудии «Узбекфильм» им. К. Ярмадова, стал одним из ведущих актеров узбекского кино.

— Вы сыграли немало ролей. Удовлетворены ли вы ими!

— Я не реализовал себя до конца ни в одной из них.

— С чем это связано!

— Должны совпасть сценарий, роль, режиссер и актер. Актер именно в том возрасте и с тем багажом, который необходим только для этой, конкретной роли. Очевидно, такого по-настоящему не случилось ни разу.

— Что вы ждете от режиссера, с которым работаете!

— Оригинального взгляда на роль, явления. Хочу, чтобы он сумел показать мне в моем герое то, чего я в нем не вижу. В этом смысле мне легко работать с Эльером Ишмухамедовым, Равилем Батыровым, Зиновием Ройзманом. Это те режиссеры, у которых я начинал сниматься. Их фильмы — мои первые попытки работы в кинематографе. Мне хорошо работать и с Валерием Ахадовым на «Таджикфильме». Он умеет удивить неожиданным поворотом в уже вроде бы готовом образе.

Если же режиссер этого не умеет, хочется, чтобы он хотя бы доверился актеру, пошел за ним. Выиграет и картина, и роль. Часто бывает наоборот. Режиссер считает для себя оскорбительным принять вариант, придуманный актером.

Образованность, эрудиция в режиссере — это прекрасно. Но я всегда надеюсь на встречу с умным режиссером. Понимаете, умным, в самом широком значении этого слова. В кино 50 процентов твоей роли «делает» именно он, а вы

посмотрите актерские работы нашей студии. Можете вспомнить за последнее время хоть одну, по-настоящему яркую? Все на одном уровне, без особых всплесков. На первый взгляд, сделано вроде бы добротное. Знаете, как говорят: «Ничего, старик, ничего». А больше и сказать нечего.

Некоторые режиссеры перестали получать удовольствие от работы с актером. Иногда просто не работают с ним. Приходит актер на съемочную площадку, порой даже не прочитав сценарий, не зная, что происходит в картине, среди каких людей живет его герой. А режиссер сразу, почти без репетиций: «Давайте снимать».

— Ну, а кроме кино, другие виды творчества вас никогда не привлекали!

— Знаете, Жан Кокто очень хорошо сказал, что в своем деле вы можете быть талантливы, но, занимаясь другим, рискуете оказаться смешным.

— Я знаю, что вы занимаетесь фотографией.

— Фотографии, которые я делаю, предназначены только для «семейного» пользования.

— Говорят, что в молодости все удается. Если это так, то ваши фотографии лучшие иллюстрации этого.

— Да все в те годы было легко и просто. Тогда возможна была любая ситуация. Ну, например, такая. Приходили в институт. Занятий по специальности в этот день не было. А иногда очень хотелось сделать не то, что надо, а то, что хочется. Кто-нибудь выдвигал идею — давайте снимем фильм. Мы единогласно поддерживали, и за один день картина была готова. Получался лихой боевик: с драками, погонями. Чуть, конечно.

Но удивительное состояние легкости, раскованности, незаштампованности — все это было. И работа давалась просто. Не было опыта, наработанных штампов. Все было интересно попробовать.

Сейчас стараешься делать наверняка, осторожно. Есть определенный опыт, который не позволяет чересчур рисковать. Это уже видел, это играл, это знаешь. Это хорошо. Это плохо. И надо бы работать смелее, но.., но.., но.. А в институте? Тогда были самые лучшие годы.

— Что же было после его окончания!

— Получил сразу два приглашения: в театр Горького и на киностудию «Узбекфильм». Выбрал театр, в котором проработал с перерывами в общей сложности шесть лет. Вернулся бы сейчас в театр? Наверяд ли. В кино я все знаю и уверенно себя чувствую. Мне почти ничего не мешает на съемочной площадке. А от театра отвык. Зритель, его реакция, как это ни странно звучит, мешает. Но это, конечно, временное явление. Играл же я на публике. Впрочем, и сейчас играю. При киностудии «Узбекфильм» создан Экспериментальный театр киноактера, в котором режиссер Ф. Зайнудинов ста-

вит сейчас спектакль по пьесе А. Гельмана «Скамейка». Я в нем репетирую роль главного героя — Федора (он же Юрий, он же Николай, он же Алексей).

Вот в нашем театре, который пока и театром назвать нельзя, я могу рисковать на все 150 процентов.

— В чем же заключается риск!

— Во всем. Я могу делать здесь то, что в кино не дают, искать, экспериментировать, пробовать то, что никогда не делал. Роль Федора я выбрал сам. И в случае неудачи расплачиваться буду тоже сам.

— Многие из тех, кто видел ваши работы в театре, помнят до сих пор. Как вы сами их оцениваете!

— Говорить, а тем более оценивать сделанное, всегда трудно. Есть несколько, которые не стыдно показать друзьям. Фулк из «Быть или не быть», Мечеткин из спектакля «Прошлым летом в Чулимске» А. Вампилова и некоторые другие. Большинство из моих театральных работ острохарактерные.

— Удивительно. В кино вы на редкость постоянны, особенно в последнее время: сплошные подлецы и негодяи.

— Что я могу сделать? Невозможно все время отказываться.

— В таком случае, давайте поговорим о последней роли — Рузиев в фильме Э. Ишмухамедова «Прощай, зелень лета».

— За что судить Рузиева? Он делает людям добро. Ну, действительно, тому квартиру «выбил», тому машину достал, тому еще в чем-то помог. Разве кому он хоть в чем-то отказал? Нет! Вор? Что вы говорите! Про то, что воровать нехорошо, мы все знаем, сами на собраниях выступаем. Тут у нас — порядок. Так сам Рузиев о себе думает. Но ужасно весь в том, что он себя за подлеца не считает. И зла особенно не видит в том, что делает. И угрызений совести не испытывает.

— Сколько вам лет!

— Сорок один.

— Есть ли роль, которая, вы считаете, предназначена для вас!

— Предназначена... Это не совсем верно. Которую бы хотел сыграть? Вот как раз этого я говорить не хочу...

Мальчик мечтал о дальних морях, белом капитанском кителе и видел себя на мостике белоснежного красавца. Как давно это было. Так давно, что мальчик успел превратиться в мужчину и приобрести специальность, далекую от морской.

Но временами тот озорной мальчишка оживает вновь. И его маленький кораблик по-прежнему бороздит океан, терпит крушения, но, лишь слегка оправившись от ударов, упрямо плывет дальше. Капитан знает наверняка: там, за темным, прозовым горизонтом, обязательно будет светлая чистая полоса.

Интервью вела Г. ФОМАИДИ. Фото М. Юлдашева.

24 FEB 1987

КОЛОМОНОВИЧ УЗБЕКСТАНА Г. Ташкент